

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petrso.ru>

Выпуск 9 (№), 2025

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petrso.ru

<https://verba.petrso.ru>

Критика

«Мыслящий камыш»: о радикальном творчестве Кристины Котцелайнен

СПЕЛЛЕР Данил

ПетрГУ (Петрозаводск),
speller2012@mail.ru

«Пограничная ситуация... – это каждый мой шаг. Каждый шаг как разрыв».

Так говорила мне Кристина Котцелайнен – молодая карельская йогиня, филолог, ее модернистский текст «Мукти: путевые заметки» мы публиковали в минувшем выпуске, а другие сочинения вы можете найти в ее авторском telegram-канале, его названием мы озаглавили настоящую статью – «Мыслящий камыш».

И это высказывание, вынесенное в начало, – ключ к ее удивительному творчеству.

Пограничная ситуация (Grenzsituation – нем.), по Карлу Ясперсу, который и ввел это понятие в оборот, есть психологическое положение человека между собственным и несобственным, между навязанным образом жизни, и внутренним порывом, inner. Ясперс замечает ее в драматических периодах жизни взрослого человека. Обычно в середине, между юностью и зрелостью, или в моменты серьезной опасности.

Но что такое это сокровенное «собственное»? Есть ли оно? Возможно ли? Как понять, что нечто является подлинно «моим»?

Эта спекулятивность собственного Я, собственной идентичности у Котцелайнен «взламывают» схему Ясперса – любая самость есть лишь иллюзия, лишь более сложно-завёрнутое внушенное миром «несобственное»:

«Можно жить чудесной жизнью, рожать детей, ходить на праздники и фестивали, просто вкусно кушать в ресторанах, просто любить своего мужа, быть хорошим врачом и упасть в Ад... потому что главная работа сознания Ада – ошибочный взгляд на телесное существование».

Потому «пограничная ситуация это -... каждый шаг». Каждый шаг, каждое моргание и вздох отменяют всё бывшее, любую устойчивость. В одну реку нельзя войти дважды – это утверждение Гераклита справедливо и для понятия «личности»: личность подобна реке. Так погоня за истиной превращается в бесконечную череду разрывов и вспышек, калейдоскоп, неискоренимую и неудовлетворимую в материальном мире страсть – которая в конечном итоге выводит за его пределы:

«Человек – это иллюзия. Без своего собственного опыта этого не понять, но человек – это иллюзия. Я

много спрашивала у людей, кто они такие. Они поголовно отвечают: я человек. Без дальнейших подробностей о том, кто это такой. Но Я не может быть ничем иным, как Я. А при чем тут человек, я не знаю. Дело в том, что это всего лишь одна из форм за точения и проявления Я. Мне сейчас очень грустно от того, что мало кто это поймет, а если поймет, то интеллектуально, как я это всегда делала и продолжаю».

Спекулятивный реализм Кристины Котцелайнен, при этом, не имеет ничего общего с распространенными в среде ее сверстниц примитивными лево-либеральными теориями социального конструктивизма, как можно было бы подумать: гендера, трансгендеризма и пр. Неомарксизм, стоящий за ними, стремится лишить человека любой коллективной идентичности дабы превратить его в пластичную, дезориентированную социальную глину. В голема, в котором уже нет иного этажа, выхода выше, активного интеллекта. Это спекулятивизм бессилия.

Не то у Котцелайнен (при ее несомненно левых, но более исконных, т.е. антикапиталистических, немарксистских взглядах). Иллюзия для нее как для йогини есть не какой-то социальный конструкт, но фундаментальный принцип *Майи*, मयि (санск.) – покрывающей всё пелены иллюзии, жизненной лжи, скрывающей Бога. Соответственно преодоление иллюзии – это решительный, героический шаг за пределы мира. Пробуждение к божественному Атману. Бог начинается лишь с утверждения о том, что все – ничто. Когда не цепляешься более ни за какую данность, только тогда впервые видишь Бога:

«Вся наша современная жизнь – загрязнение.

И рассчитана она на то, чтобы вы прожили и ни разу не задумались, ни разу не попытались увидеть свою неправду и заблуждение каждой мысли и действия, а только обрастали новым слоем «инсайта» т.е. пыли».

Так в опубликованном «Мукти: путевые заметки» душа лирической героини ищет освобождения: в горах, в снах, маленькой девочкой в шляпках полевых цветов. Но нигде в мире ей не покойно. Всякий идеал, всякая доктрина загружены ложными данными, лжепророчествами. Состояние мукти/мокша (Освобождение), заявленное в названии, наступает потому не после какого-либо обретения, но напротив – лишь после *отпускания*, после опыта «*ничто*» – в финале героиня приходит к своему отцу, отблеску Отца Всевышнего: и после этого ей больше ничего «не нужно от мужчин». Все стало ничем, обнулилось, вернулось к начальной точке отсчета: к «я есть». С этого начинается путь ее аскетического восхождения...

В этом отношении творчество Кристины Котцелайнен трансгрессивно. И тем входит в традицию авангарда. Котцелайнен – духовный радикал. Радикализм в своем теологическом измерении, по Гейдару Джемалю, есть «...мировоззрение, которое фундаментально не принимает "мироздание"»: для так понятого радикализма мироздание есть враг Бога, нечто ему противоположное. Радикал не принимает мнимую реальность мироздания вплоть до всех понятий и категорий, им порожденных: он всегда держит ухо и глаз востро перед действительностью, не доверяя, впрочем, и своим собственным органам чувств. Потому Кристина в своих текстах часто называет себя «глупой», «тупой», что входит в противоречие с концептуальной сложностью ее текстов – и это не только опрощение и умаление, делающее автора как бы неуязвимым для навязчивых абстрактных понятий и форм мира (они не в состоянии пустить в ней свои корни), но также – шпилька в читателя. Она пронзает его чувство реальности, которую тот постигает механистично (глупый человек не написал бы такого. Или глуп я? Что не так с этим текстом...? – примерно такой очуждающий эффект это производит). Кристина – мастер парадокса и остранения, скрытой иронии. Она любит играть с читателем и его устойчивым чувством реальности как лукавая кошка с мышкой:

«Я тупая как пробка. Как рыбка. Как самое простейшее. Я та простота, которая хуже воровства. Воровка своего блестящего материального и духовного будущего».

Отсюда и особая языковая материя ее текстов: единство стиля при разнородности элементов. Кристина

Котцелайнен пластически сводит интеллектуалистский тезаурус XX века с современным слэнгом, сакрально-духовную традицию с почвенно-народной речью. Беглый взгляд может увидеть здесь постмодернизм, но, как и в случае с восходящим к нему неомарксизмом – разница состоит в целях. Котцелайнен фиксирует, что истина везде и нигде, в своем смещении она помещает ее между словами и концепциями как нечто неуловимое, но сущностное, тогда как постмодернизм постулирует отсутствие всякой истины. Больше всего ее стиль напоминает письмо такого же радикала, художника и поэта Александра Бренера. В каком-то смысле это метамодернизм, чем бы он не был, – а вероятно, его принципиальная «ненаходимость» и есть его суть.

Иначе говоря, художественная стихия Кристины Котцелайнен это явное *дионисийс тво*. В своем творчестве северная йогиня непосредственно повторяет путь немецкого философа Фридриха Ницше. Путь танцующей звёзды, священного безумия, веселой науки. И это поразительно в художнике ее поколения. Поразительно, но вместе с тем и закономерно. Главный ученик Гераклита Ницше взламывал картезианскую, дуалистическую картину мира XIX столетия т.к. видел ее одним из очагов кризиса: она заключала живую жизнь в клетку логических категорий и законов, и тем умерщвляла ее (Хайдеггер, следуя за Ницше, назовет это «забвением бытия»). Так же и Кристина Котцелайнен фиксирует уже новое состояние кризисности, новые клетки – ее современник теперь теряет связь с истиной жизни в виртуализации, где алгоритмы и рекомендации перепрограммируют человеческое сознание в сознание бота, более неспособное встретить Бога. Хаос, который несет в себе проза Котцелайнен, потому – богооткровенен. Нигилизм – сакрален. Страстная, она пишет молотом, но лишь для того, что бы разрушить разрушение. Хотя бы и в самой себе. К себе она беспощадна.

Но эта беспощадность – заражительна.

Впустите в себя этот хаос – и вы узнаете почему.

В качестве иллюстрирующего приложения к статье публикуем две небольшие заметки Кристины Котцелайнен из ее канала. Публикации размешены с согласия автора. Пунктуация и орфография – авторские:

«Я бегу от страстей как от огня. Люблю только мягко на плечи как оренбургский пуховый платок или легкий снежок на солнышке еще в воздухе.

Отношения выдерживаю только если они на постном масле, чтобы только немного соли и щепоть черного перца. Перед вкушением обязательна молитва/мантра=предание Всевышнему и его свите.

Но себе в личное употребление – у меня самбар масала с чили и много разных овощей, бобовых, приправ, масло из молока буйволицы.

И для внутренностей своих я специально выбираю страсть (объект воздыхания-возгорания-агонии-коробковируса), чтобы он прятался от меня за шторой, говорил стоя за спиной, зная меня, «извините, можно пройти». И чтобы бежал от страстей как от огня.

Предпочитая постные внешние отношения. Внутри сгорая от чувств к той, которая прячется за шторой, зная его говорит «извините, можно пройти».

Ну и так далее. Вы поняли. Опять этот уроборосный дождевой червь.

Выходи! (заклиная)»

« чувствование

Чувствую, что меня не хотят слушать и понимать те, от кого я бы хотела это получать, от кого хотела бы ждать этого.

Как будто что-то заброшенное я.

Оттого я перестала хотеть быть хоть сколько-нибудь понятной в обычных контекстах. Теперь я воплощаю абсурд. Это такой знак и уловка. Я не хочу, чтоб прямо в эту секунду меня распознали, увидели потребность или эмоцию, четкую конкретную и отреагировали.

Глубина недостижимая. Здесь не проработаешь поверхностным словом о детско-родительской, перинатальной травме.

Я тебя понимаю. Ты используешь слова и за ними ясный смысл. Я же использую слова, закладывая в него другие смыслы и действую в других намерениях, но мое стекло чисто отполировано. Но так, чтобы никто не понял!

Не хочу, чтобы ты понимал(а). Я буду в этой тихой темноте одна. И ко мне не придет мама, хотя я ее жду.

И папа не придет.

И лешка не придет, которого жду, то на берегу Ладоги, то у часовенки, то у иконочки.

Никто не приходит.

Бабка какая-то идет хромая.

Либо пустота и тьма.

И сколько не заплачься. Будешь одна. Сколько ни молись, не придет.

А ведь все равно ждешь.

Ну должна же быть случайность, совпадение.

Нет. Его не происходит.

Ты спрашиваешь, как мне помочь? Но именно ты тут не сможешь. Не хочу тебя. Хочу других.

Хочу чужих игрушек, новых глаз, новых слов и ответственностей.

Вот так плачет маленькая разбалованная Кристина. Это не она сама. Слова сами пролились сейчас. И ей, наверное, должно быть, легче.

Все-таки, когда она одна, она чувствует больше свежести, чем, когда она с теми, с кем не хочет. Пусть лучше и так. Пусть будет посветлее, попрохладнее.

Ах ты, любовь моя к ближнему! Ах ты, моя Сантоша! Ах где же ты, мой лагом?

Поливаю ваши засохшие листики прямо сейчас. Простите, опять не уследила... надеюсь, хотя бы корни целы (волки-то точно сыты)»